

Николай Михайлович Карамзин

**О Богдановиче и его
сочинениях**

Николай Карамзин

О Богдановиче и его сочинениях

«Public Domain»

1803

Карамзин Н. М.

О Богдановиче и его сочинениях / Н. М. Карамзин — «Public Domain», 1803

Статья посвящена памяти И. Ф. Богдановича, умершего в январе 1803 года. «...Говорят, что жизнь и характер сочинителя видны в его творениях; однако ж мы, любя последние, всегда спрашиваем о первых у тех людей, которые лично знали автора. Все знакомые и приятели Богдановича единогласно хвалят его свойства, тихий нрав, чувствительность, бескорыстие и какую-то невинную веселость, которую он сохранил до старости и которая делала его приятным в дружеском обществе. Никто не замечал в нем авторского самолюбия. Богданович даже редко говаривал о поэзии и литературе, и всегда с некоторою застенчивостию, бывшею природным свойством его. Не мудрено, что он не любил критики, пугающей всякое нежное самолюбие, и признавался, что она своею грубою строгостию могла бы совершенно отвратить его от авторства...»

© Карамзин Н. М., 1803

© Public Domain, 1803

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	7
Комментарии	

Николай Михайлович Карамзин О Богдановиче и его сочинениях¹

Коллежский советник Ипполит Федорович Богданович родился в 1743 году, декабря 23, в счастливом климате Малороссии, в местечке Переволочном, где отец его был при должности; ему и нежной матери он единственно обязан первым своим образованием. – Таланты иногда долго зреют, но всегда рано открываются: уже в детстве Богданович страстно любил чтение, рисование, музыку и стихотворство.

В 1754 году отвезли его в Москву и определили в Юстиц-коллегию юнкером. Президент ее, г. Желябужский, заметил в нем особенную склонность к наукам и дозволил ему учиться в математической школе, бывшей тогда при сенатской конторе. Но математика не могла быть наукою человека, рожденного для поэзии; числа и линей не питают воображения. Богданович, утомленный арифметикою и геометрию, отдыхал за творениями Ломоносова, которого лира гремела и пленяла тогда россиян, еще не строгих судей в поэзии, но уже чувствительных к великим красотам ее.

Драматическое искусство сильно действует на всякую нежную душу; разборчивость вкуса приходит только с летами и с тонким образованием душевных способностей: не мудрено, что пылкий молодой человек, увидев в первый раз драматические представления, сии живые картины страстей, так пленился ими, что готов был сделать безрассудность. Однажды является к директору Московского театра мальчик лет пятнадцати, скромный, даже застенчивый, и говорит ему, что он дворянин и желает быть – актером!² Директор, разговаривая с ним, узнает его охоту к учению и стихотворству; доказывает ему неприличность актерского звания для благородного человека; записывает его в университет и берет жить к себе в дом. Сей мальчик был Ипполит³ Богданович, а директор театра (что не менее достойно замечания) – Михайло Матвеевич Херасков. Итак, счастливая звезда привела молодого ученика муз к их знаменитому любимцу, который, имея сам великий талант, умел открывать его и в других. – Тогда Богданович узнал правила языка и стихотворства, языки иностранные и приобрел другие сведения, необходимые для надежных успехов дарования; наука не дает таланта, но образует его. Творец «Россияды» был ему полезен наставлениями, советами и примером. Богданович учился в классах и писал стихи, которые печатались в журнале, выходившем при университете⁴. Они были еще далеки от совершенства, но показывали в авторе способность к нему приблизиться.

Кроме Михаила Матвеевича Хераскова (который был тогда членом университета), молодой стихотворец наш имел еще ревностного покровителя в князе Михайле Ивановиче Дашкове. Уважение, оказанное к юному таланту, достойно всегда признательного воспоминания добрых сердец: сей нежный цвет, от знаков холодности и невнимания, часто без всякого плода увядает. Но к чести русских заметим, что молодые люди с дарованием всегда находили и находят у нас деятельное покровительство, особливо если нравственный характер их возвышает цену ума, как в Ипполите Богдановиче, который отличал себя и тем и другим, – а всего более милым *простосердечием*, свойственным любимцу Аполлонову...

Сын Фебов не рожден быть тонким знатоком
Обычаев, условий света;
Невинность, простота видна в делах поэта.
Ему вселенная есть дом,

² Это слышал я от самого бессмертного творца «Россияды».

³ Пиитическое имя Ипполита приятнее ушам без отчества.

⁴ В «Полезном увеселении».

Где он живет с чужими
Как с братьями родными;
Свободу и покой любя,
Не мыслит принуждать себя.

Некоторые поэты составляют исключение из сего правила; но таков был Лафонтен – и Богданович! Осьмнадцать лет он казался еще младенцем в свете; говорил что думал; делал что хотел; любил слушать умные разговоры и засыпал от скучных. К счастью, поэт жил у поэта, который требовал от него хороших стихов, а не рабского наблюдения светских обыкновений, и, забавляясь иногда его невинностию, любил в нем как дарование, так и редкое добродушие. Богданович от искренности своей казался иногда смелым; но если слово его оскорбляло человека, то он готов был плакать от раскаяния; чувствовал нужду в осторожности и через десять минут следовая опять движению своей природной откровенности: слабость души нежной и прекрасной, которая иногда и самую долговременную опытность побеждает!.. Стихотворец наш, богатый единственно рифмами, не мог сыпать золота на бедных, но (как сказал любезный переводчик Греевой «Элегии»^[1])

Дарил несчастных он чем только мог – слезою!

Приязнь находила в нем самую ревностную услужливость. Однажды ночью сделался пожар близ знакомого ему дома: он забыл крепкий сон молодого человека, дурную погоду, расстояние и в одном камзоле явился там предложить услуги свои. – Хозяин и хозяйка, столь любезные и почтенные, обходились с ним как с родным: он во всю жизнь сохранил к ним сердечную привязанность. – Но мы еще должны заметить одну черту характера его, едва ли не во всех поэтах явную и резкую, – чувствительность к любезности женской, которая всегда служила вдохновением для стихов приятных. Кто рожден быть поэтом граций, в том рано обнаруживается сия нежная симпатия с их подругами – но симпатия часто безмолвная. Молодой стихотворец видел, обожал, краснелся и вздыхал только в нежных мадригалах. Какая строгая женщина могла оскорбиться такими чувствами?

В 1761 году Богданович определен был в надзиратели над университетскими классами с чином офицера, а по восшествии на престол императрицы Екатерины II – в члены комиссии торжественных приготовлений и сочинял надписи для ворот триумфальных. В 1763 году, через покровительство княгини Екатерины Романовны Дашковой⁵

---

⁵ «Благотельницы фамилии Богдановичей, – прибавляет И. Ф. Б. в своих известиях, – ибо и брат его обязан ей своим воспитанием». – Мы должны были сохранить сие изъявление благодарной признательности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...как сказал любезный переводчик Греевой «Элегии»... – Элегию «Сельское кладбище» в переводе юного Жуковского Карамзин напечатал в «Вестнике Европы» в 1802 году.